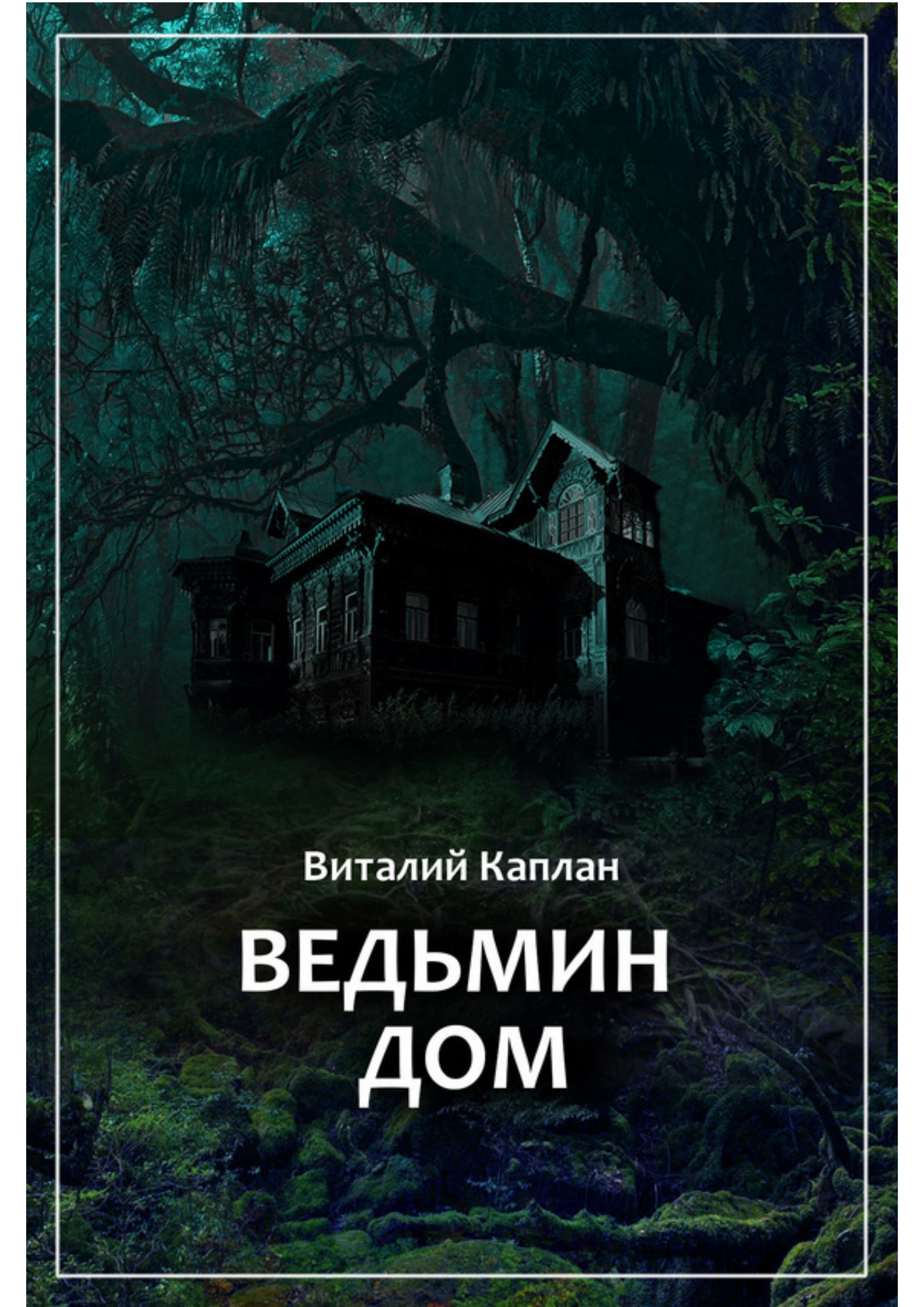

Виталий Каплан

ВЕДЬМИН ДОМ

Виталий Каплан

**Ведьмин Дом, или Тихие
игры в помещении...**

«Автор»

1989

Каплан В. М.

Ведьмин Дом, или Тихие игры в помещении... /
В. М. Каплан — «Автор», 1989

Повесть. 70-е годы прошлого века, СССР, пионерский лагерь. Между двумя мальчишками, Серёгой и Санькой, возникает конфликт, и отражение этого конфликта проявляется в некоем мрачном фэнтезийном мире. Только ли это Серёгины сны, или нечто большее? Но будь это реальность, будь это мир детского воображения — доблесть всё равно остаётся доблестью, а подлость — подлостью. А много лет спустя воспоминания о Городе Золотого Оленя смогут удержать от непоправимого шага... Текст представлен в авторской редакции.

© Каплан В. М., 1989

© Автор, 1989

Содержание

1. Дыра	5
2. Договор	7
3. Бегство	13
4. Линейка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виталий Каплан

Ведьмин Дом, или Тихие игры в помещении...

1. Дыра

Просека была огромная. Серёга, сколько ни вглядывался, так и не смог понять, кончается ли она где-нибудь. И спереди, и сзади её рыже-зелёное пространство незаметно сливалось с горизонтом.

Слева просеку ограничивал лес. Могучие древние сосны тянулись к дымному небу, в котором плавало маленькое синее солнце. Мёртвым, потусторонним жаром оно обливало и сухую траву, и сосны, и чёрную Серёгину голову.

Пора было идти. Хочешь – не хочешь, а пора. Потому что в душном воздухе медленно рождается тревога, давит грудь, заползает в голову, заволакивает глаза чем-то мутным, серым. И значит, другого пути нет – надо вставать.

Солнце прожигало кожу и сквозь рубашку. Странное какое-то солнце. Впрочем, он знал, что таким оно было всегда.

В кармане шорт Серёга нащупал что-то плоское, круглое. Оказалось – древняя истёршаяся копейка. Даже год не разобрать, сколько ни вглядывайся. Зачем она, тем более сейчас? Он бросил её в траву и зашагал дальше. «Значит, придётся сюда вернуться, – мелькнула мысль. – Примета есть такая. Монетка-то здесь осталась.»

Но обсасывать эту мысль было некогда – впереди появилась Дыра.

Даже издали от неё тянуло ледяным ветром. И это несмотря на обалденную здешнюю жару!.. Да и вообще Дыра была необычной. Подойдёшь к ней спереди – она есть, зайдёшь сзади – тоже есть, а вот с боков её не видать. Если смотреть с боков – нет никакой такой Дыры, одна лишь залитая синим солнечным светом просека.

Из Дыры выползали ржавые гнутые рельсы. Выползали и терялись в высокой густой траве. Серёга совершенно точно знал, что рельсы эти ржавеют по меньшей мере восемьсот лет.

Надо было идти туда, внутрь.

Он поправил висевший у пояса нож. Все-таки какое-никакое, а оружие. Хотя, если что случится, вряд ли от него будет особая польза.

Прихлопнув комара, впившегося в ногу чуть повыше колена, Серёга повернул голову к лесу, посмотрел на бледную, выжженную солнцем траву и быстро, чтобы сладить с притаившимся страхом, шагнул в Дыру.

И тут же на него накинута холод, по коже забегали мурашки. Светлое пятно за спиной с каждым шагом становилось всё меньше и меньше. Потом ход искривился, и оно пропало совсем. Пришлось идти в полной темноте.

Но ушёл он недалеко.

Сперва еле-еле, а потом чуть громче послышался странный звук. То ли комариный писк, то ли скрип колёс, то ли скрежет гвоздя по стеклу.

Постепенно этот звук нарастал. Серёга остановился. Что же это такое? Не хотелось и думать, что нужно идти туда, вглубь. Но делать нечего – он знал, что надо. И, пускай медленно-медленно, но всё же пошёл.

Мало-помалу звук, усиливаясь, начал что-то напоминать. Ну конечно же! Это лязг металла! Грохот и лязг. И всё громче, всё ближе...

Он вжался в холодную каменную стену. Стена оказалась мокрая – сверху стекали крошечные водяные струйки.

Потом возник свет. Сначала слабый, призрачный, он становился с каждой секундой всё ярче. Жёлтый, немигающий, словно огромный кошачий глаз.

Серёга начал было догадываться, что это такое, и ему стало страшно уже по настоящему.

Поезд приближался. Ещё несколько секунд – и чудовище раздавит его, сомнёт в кровавый блин и промчится дальше.

Серёга ждал, прижимаясь острыми лопатками к холодной стене. Закрывать глаза он не стал. Пускай уж это он встретит по-честному, лицом к лицу.

...Грохот, вой, слепящая молния-вспышка – и поезд пролязгал мимо, всего в каких-нибудь полтора сантиметрах от Серёгиной головы.

Вылетев из туннеля, он вспыхнул в лучах заходящего солнца и растаял в воздухе. Растворился словно кусок сахара в стакане чая.

А вслед за ним из чёрного пространства вышел на просеку и Серёга.

Был вечер. Исполинское оранжевое солнце садилось за горизонт. Удивительное дело, в дыре Серёга провёл всего каких-нибудь пять минут, а здесь уже кончался день. И солнце оказалось совсем другим. Странно... Куда же он попал?

И тут рядом, не дальше чем за полкилометра, Серёга увидел...

...Проклятый комар взвизгнул над ухом, пришлось его уничтожить. Но и сон отлетел, растаял. Серёга открыл глаза.

В полуоткрытое окно палаты лезли оранжевые лунные лучи. Сама луна уже поднялась над изломанным краем Дальнего Леса и теперь внимательно глядела в окно.

Прозрачные блики дрожали на досках пола, переливаясь, вспыхивали и гасли, а на смену им являлись всё новые и новые. Оттого и пол казался какой-то широкой тихой рекой. А может, и морем.

Лёгкий ветерок прошёлся по палате, словно котёнок, поиграл с занавеской и исчез.

...Санька из дальнего угла, со своей койки, что-то говорил. Видно, Серёга погрузился в сон сразу же после отбоя и не слышал начала.

2. Договор

Кто-то прошлёпал по коридору, и Санька умолк. Потом, выждав несколько секунд, он продолжал свистящим шепотом:

– А ещё, пацаны, помните, есть в лесу возле Захаровки заброшенный дом? Ну, видели, наверное... Старый такой, гнилой весь. Ну вот. Знаете, отчего он такой?

Никто не знал. Все ждали Санькиного рассказа.

– Значит, так. Случилось это очень давно, говорят, больше ста лет назад. Тогда ещё крепостное право было. И крестьяне в Захаровке тоже крепостными были. А владел ими помещик один, старый уже, но злой как собака. Генарал какой-то. Жил один в барском доме. Здоровый такой дом, трехэтажный... И вот однажды приехал к нему на каникулы сын. Ну, молодой такой парень, в университете учился. Эту, как её... изучал. Ну, что-то там про законы. Он каждое лето домой приезжал отдыхать.

В общем, отдыхает он, в речке купается, на лошадях скачет, грибы собирает. Ну, балдеет, в общем.

– Постой-постой, это какой такой ещё барский дом? – подал голос Вовка Белкин. – В Захаровке же никакого такого дома нет. Там только магазин здоровенный, двухэтажный, и всё.

– Ну правильно, нет, – тотчас же отозвался Санька. – Его сожгли, когда революцию в Захаровке делали. А потом уж на том самом месте магазин построили. И вообще, Вовец, не встречай. Если такой умный – говори сам.

Вовка немедленно заткнулся, а Санька, выждав для пущей убедительности несколько секунд, продолжал:

– Значит, вечером этот студент с рыбалки заявляется, смотрит – а его комнату убирает какая-то незнакомая девка. Красивая такая, глаза зелёные, только вот на шее шрам. Он, понятное дело, спрашивает, кто такая, откуда взялась. А она молчит, улыбается только.

Наутро он у папани своего спрашивает, что это за девка, а тот говорит: «А, есть тут одна такая. Её бабы весной в лесу нашли. Бегала там голая. Дикая была совсем, немая. Привели её в деревню, подметать научили – вот теперь и убирается. А так дурочка, еле-еле слова понимает...»

Студент тогда спрашивает – а что это у неё за шрам на шее, а отец сказал, что не знает. Ободралась где-то, наверное, когда в чаще бегала.

Ну, однажды студент скакал по лесу, а лошадь ногу сбила. Он с неё слез, повёл в поводу, а тут уже вечер, темно, дороги не разобрать. В общем, блуждал он по лесу, блуждал, а потом видит – меж деревьями огонёк светится. Он пошёл туда, зырит – а там поляна, и стоит дом, изба здоровенная.

– На курьих ножках? – хихикнув, спросил Андрюха Мазаев.

– Сам ты на курьих ножках, козёл. – обиделся Санька. – Нормальный дом. Ну, парень этот привязал лошадь к забору, постучался. Стучит, стучит – а ему никто не открывает. А свет в окне, между прочим, горит. Потом дверь медленно открылась, и он видит – на пороге та самая девка стоит, ну, дурочка которая, со шрамом. Она глаза на него вылупила, лыбится, а потом вдруг говорит:

– Ну, чего стал? Давай уж, заходи.

И только он вошёл, она ладонью повела, около его головы в воздухе круг начертила. Студент, наверное, чуть воздух не спортил, но потом плюнул и говорит девке:

– Так значит, ты разговаривать умеешь?

А она смеётся.

– Конечно, умею. А ты думал, языка у меня нет?

– Ну, – он говорит, – в доме-то нашем ты же всё время молчишь.

А она улыбается и спрашивает:

– Это в каком же таком доме?

Он ей говорит, что в Захаровке, в господском доме. И тут она ему такое сказала, что он чуть было задницей на пол не хлопнулся. Оказывается, она ни про какую Захаровку вообще не в курсе, она всю жизнь здесь в лесу прожила. Ну, студент ей, конечно, не поверил, слишком уж она была похожа на ту девку. Он её спрашивает:

– Значит, это не ты мою комнату подметала?

– Ты что, совсем сдвинулся? – она говорит. – Конечно, нет.

Ну, он подумал-подумал и сказал:

– А может, это была сестра твоя?

– Нет у меня никакой сестры, одна я на свете живу. Бабушка была, да померла давно.

Он спрашивает:

– А на какие шиши ты кормишься?

– Ну, – она отвечает, – летом грибы-ягоды собираю, зимой шью, пряжу пряду, холсты ткаю. Мне же много не надо. Перебиваюсь помаленьку.

Ну, поболтали они, потом девка эта накормила его щами да картошкой, постелила ему на лавке и лампу потушила. А студенту не спится, он же сразу в неё втюрился. Лежит всё, ворочается, переживает, а как полночь пробило, он зырит на неё, а она тоже на него глядит, и глаза у неё зелёные-зелёные, и светятся. Потом она говорит:

– Ну, чего же ты? Неужто боишься? Иди-ка сюда, милый.

Он пошёл к ней, лёг рядом, она его обняла и засос в губы поставила. И только, значит, она его засосала – у него огонь по всему телу пробежал, голова закружилась, и в ушах зазвенело. Он, понятное дело, сдрейфил смальца, а потом смотрит – ничего, жить можно. А девка его спрашивает:

– Ты меня любишь?

Он говорит – конечно, люблю. И ещё крепче её обнял.

– Значит, мой будешь. Сам-то хочешь этого?

Ну, он говорит, что хочет. Тогда она ему сказала:

– И пальцы твои, и глаза, и губы – всё моё будет. Не пожалеешь их?

Он, понятное дело, отвечает:

– Всё для тебя отдам!

И опять сквозь него огонь пробежал.

...А утром он глаза продрал – в избе пусто. Ни вещей никаких, ни мебели – будто никто там и не жил. Мусор только на полу валяется. И ясное дело, девки этой нигде нет. Студент тогда решил, что всё это ему приснилось. Вышел он, кобылу свою отвязал и домой вернулся.

А там его, оказывается, уже искали. Он рассказал, что с ним случилось, только про девку говорить не стал. Наврал, будто в лесу шалаш нашёл и там заночевал. А в доме бабка одна была, из прислуги, она ему и говорит:

– Повезло тебе, барин. Там рядом места нехорошие, нечистые. Добрые люди в тот лес ни за грибами, ни за чем не ходят. Там, говорят, стоит изба, а в избе ведьма живёт. И всех, кто к ней забредёт на огонёк, она губит. Сперва влюбит в себя, а потом из человека душу вытащит и чёрту несёт. За это он и дал ей такую силу.

Студент, конечно, только поржал. Он же в университете учился, ни в каких ведьм и чертей не верил.

А потом лето прошло. Студенту надо бы в город вернуться, каникулы-то тю-тю. Но он чем-то приболел малость и решил чуток погодить. Оно понятно, учиться-то никому неохота.

И вот однажды заметили, что девка эта бездомная, что комнаты подметала, забрюхатила. Ну, стали её спрашивать, кто же это её так обработал, а она вдруг пальцем на студента

показала и усмехнулась. Тут, конечно, скандал случился, старый барин, генерал который, велел её высечь. Чтобы, значит, она хозяев своих не позорила. А потом он вообще её продал. За копейки какие-то, лишь бы избавиться. Ну, приехали за ней, посадили на телегу, а она вдруг, уже на телеге сидя, тыкает в студента пальцем и смеётся. А потом, когда уже лошади тронулись, ладонь к нему протянула и около его головы круг начертила.

Студент только посмеялся над этим. Что с дурочки взять!

А вечером у него голова разболелась, и его в постель уложили. А ему всё хуже и хуже. Врача, конечно, у них не было, в город послали, только врач не приехал. Осень же, дороги в грязи. Застрял, наверное, где-то.

А студент лежит весь красный, жар у него. С каждым часом ему все хуже. И вот, как в церкви полночь прозвонили, в окно птица влетела, здоровенная такая, чёрная. Он затрясся весь – окно же закрыто было, значит, выходит, что птица эта сквозь стекло прошла. И вдруг он слышит жуткий такой голос:

– Пора! Пора! Иди за мной!

И он смотрит – а он уже не в доме не в постели своей, а в лесу. Луна светит, красная вся, и деревья к нему ветки тянут, и кажется ему, что не ветки это, а лапы когтистые. И снова голос слышится:

– Вперёд! Вперёд!

У него со страха ноги прямо как ватные сделались, но он всё-таки пошёл за птицей. И не хотел идти, а словно его кто-то в спину толкал.

И дошёл он до избы, до той самой, где летом с ведьмой любовь крутил. Ну, дверь перед ним медленно так сама открылась, он вошёл, а дверь тут же за его спиной и захлопнулась.

В общем, глядит он – и видит, что уже не в избе стоит, а в огромном каком-то зале, еле-еле стены видны – так до них далеко. Вокруг шастают всякие скелетики такие маленькие, крысы, жабы, ящерицы, а главное – сидит в чёрном кресле та самая ведьма, улыбается ему. И свет непонятно откуда берётся, красноватый такой, и тени в нём пляшут.

Ну, взглянула ему ведьма в глаза и говорит:

– Здравствуй, милый. Вот и пришло время любви нашей. Ты же любишь меня?

Студент отвечает: «Люблю!», а у самого губы трясутся.

– Значит, пора, – засмеялась ведьма и посмотрела ему прямо в глаза. А студент вспомнил, что летом-то у нее глаза зелёные были, как у кошки. Но сейчас они уже не зелёные, а красные, словно нагретые угли. И вдруг из её глаз выплыл огонь и охватил студенту руки.

А ведьма смеётся:

– Эти руки меня ласкали. Теперь мои будут!

Студенту, ясное дело, больно, он дёргается, кричать хочет, но из горла – ни звука. И с места он сдвинуться не может, будто его на цепь посадили. А огонь выше поднялся, начал губы жечь. А ведьма всё хохочет:

– Эти губы меня целовали! Теперь я их себе возьму!

А языки пламени всё выше забираются, прямо ему в глаза.

– Этими глазами на меня твоя душа смотрела. Теперь моя над нею власть!

И тут студента такая страшная боль скрутила, что он сознание потерял. А когда очнулся, видит – он в своей комнате на постели лежит, а вокруг все бегают, хлопочут. И говорят ему, что утро уже, что он всю ночь бредил, насчёт какой-то ведьмы кричал.

Но, он тогда собрал все силы и рассказал про то, что с ним случилось. А только закончил – судороги у него начались, закричал он жутким голосом и помер.

Доктор приехал, так понять и не смог, что же со студентом стряслось, что за болезнь такая.

Потом его хоронили. Поп сперва всё хвостом крутил, говорит, он с нечистой силой контактил, нельзя мне его отпевать. Но генерал попу пригрозил, поп и согласился.

А время уже позднее было, когда службу начали, и вот в полночь гроб сам собой стал открываться.

Все сдрейфили, понятное дело, к стенам отшатнулись, бабы визжат, а гроб открылся, и встал из него студент. Все смотрят – а у него лицо сожжённое, глаз нет – только две чёрные дырищи, а вместо рук одни обгорелые кости.

Ну, поп малость очухался, стал молитвы читать от бесов, и труп тогда затрясся и у всех на глазах растаял, а вдали, из леса, плач слышался.

Вот так. Потом мужики эту ведьму изловить хотели, искали по всему лесу её дом, а когда нашли, видят – нет там никакой ведьмы. Гнильё одно. Они хотели избу поджечь, а она не загорается – сырая вся. Ну, они плюнули и пошли себе.

С тех пор все этот дом стороной обходят. Иногда, говорят, ночью свет в окнах загорается. А ещё рассказывают, в лунные ночи, как вот сейчас, бродит по дому призрак того студента. До рассвета ходит, костяшками своими обгорелыми всюду шарит, хочет ведьму найти, а что нету её, не видит – глаза-то у него сожжённые.

Между прочим, однажды, давно уже, пацаны деревенские решили смелость испытать, в дом забрались, а когда в полночь привидение появилось, они сразу воздух спортили. Такой мандраж на них нашёл, что с места сдвинуться не могли. И привидение случайно одного пацана коснулось, тот вздрогнул весь, будто ток сквозь него пропустили. А утром на плече у него появилось синее пятно. Ребята ему говорят, надо в церковь сходить, взять святой воды, чтобы пятно смыть, но пацан сдрейфил, потому что тогда про всё рассказать придётся. И его за это дома выдерут. И не пошёл в церковь, а днём ему плохо стало, температура поднялась до сорока градусов, и к вечеру он умер. И врачи понять не смогли, что и отчего, пятно на плече заметили, конечно, но подумали, что обычный синяк.

Так что все этот Ведьмин Дом за километр обходят. Лет двадцать, наверное, там никого не было. Ясно теперь, что это за дом?

...Все молчали. Серёга смотрел, как шевелятся на полу лунные блики, и думал. Интересная сказка, чего уж там. Жаль только, что сказка, потому что по правде такого быть не может. А хотелось бы... Но что поделать – не бывает никаких ведьм и привидений, это же наукой доказано.

А Санька лежит, наслаждается эффектом. Прочитал, наверное, в какой-нибудь книжке и досочинял про дом в здешнем лесу. И рассказывает, авторитет себе зарабатывает. Жёлтые глазки довольно поблёскивают. Хотя в темноте и не видно, но Серёга знал – поблёскивают. Вообще этот Санька в последнее время весьма обнаглел. Вырубается, всё время командует, основного из себя строит. Про таких говорят: «Кашки-борзянки объелся.» Да было бы хоть с чего. Мускулы-то как жёванная верёвка. Сегодня на спортакиаде мяч всего лишь на пятнадцать метров кинул. Другого бы засмеяли – хилак-разрядник, а ему всё с рук сходит. Липнут к нему пацаны прямо как мухи. Наверное, потому, что умеет он других себе подчинять. Причём он ведь не как Лизка, председатель отряда, он не орёт с посиневшей мордой: «Отряд! равняйся!» Он, Санька, по-хитрому действует, тихо. Одному что-то шепнёт, другому... Когда надо – посмеётся, когда надо – соврёт что-нибудь с самым серьёзным видом. И ещё он здорово умеет обзывать. Чувствует, кому что бросить, и чтобы человеку обидно было, и остальным смешно. Вот и попробуй тут возмутиться. Все скажут: шутка-нанайка, понял?

А теперь он, видно, решил страшными сказками народ взять. Пацаны же все рты пооткрывали, слово пропустить боятся. Да и вправду интересно слушать, хоть и мура это всё.

– Мура это всё, – сказал Серёга и нарочно зевнул. – Всё ты, Санёк, лапшу на уши нам вешаешь. Будто сам не знаешь – не бывает никакой нечистой силы.

– Заткнул бы ты, Серый, глотку дырявой лодкой, – немедленно откликнулся Санька. – Сунь голову в тумбочку и утихни. А то смелый больно. Попробовал бы ты, как те пацаны, ночку в Ведьмином Доме просидеть. Небось, было бы радостей полные штаны.

Ребята немедленно захихикали. Они бы и в голос заржали, но опасно. Разбудишь ещё, чего доброго, вожатого Мишу, придёт, надаёт щелбанов...

Да, здорово язык у Саньки подвешен. И ничего с ним не поделать. По морде надавать? Это несложно, но ребята не поймут. Раньше бы поняли, а сейчас... Сейчас они за Санечкой как щенки за мамкой. Не драться же со всей палатой...

– Ну как же, как же... Да ничего со мной не случилось бы в этом доме. И вообще, откуда ты всё это взял? Про студента про этого, про ведьму? Сам, что ли, их видел?

– Раз говорю – значит, знаю, – голос у Саньки был спокойным и слегка усталым. Точно глупые малыши отвлекают его от взрослых, солидных дел, но по доброте душевной приходится всё же им отвечать. – Мне батя рассказывал. Он ведь сам из Захаровки, родился там. И пацанов этих, что в доме сидели, лично знал. Так что, Серый, молчал бы ты в тряпочку. Сам-то на их месте сдрейфил бы, я же тебя знаю. Что поделать – кишка тонка.

Нет, такое спускать ему нельзя. Промолчишь сейчас – и до конца смены все пальцами на него показывать будут: кишка тонка. Налипнет эта кличка, попробуй потом от неё избавиться.

Ну прямо руки чешутся засветить ему в глаз... Если бы этот слизняк драться умел! А то ведь захнычет, и окажешься не только трусом, но и гадом. Все скажут – если у тебя мускулы, значит, слабых можно бить, да? А уж отомстит Санечка будь-здоров, это он умеет.

– У тебя у самого кишка тонка! А я хоть сейчас на спор в этот самый Ведьмин Дом пойду, – сглотнув вязкий комок в горле, произнёс Серёга. – Тоже мне делов – ночку в избушке-развалюшке отсидеть.

– Да ты трепнешься всё. По-настоящему-то спорить забоишься, – лениво протянул Санька и отвернулся к стене. Похоже, собрался спать.

– Я? Забоюсь? Ну ладно, я завтра на спор после отбоя туда пойду и всю ночь там отсижу. К рассвету вернусь.

– Ну что ж, это уже интереснее, – помолчав, отозвался Санька. – Только вот чем докажешь, Серый, что и вправду в доме торчать будешь, а не в лесу под кустом?

– Ну, а чем доказать?

Санька немного подумал. Остальные тоже насторожились и ждали, что будет.

– Значит, так, – придумал, наконец, Санька. – Я у тебя сегодня книжку видел, библиотечную, «Дети капитана Гранта». После завтрака мы всей палатой пойдём в лес, к Ведьмину Дому, и в окошко твоих капитанских деточек бросим. А ты, когда вернёшься оттуда, книжечку эту обратно принесёшь. Если, конечно, вернёшься... А чтобы ты целую ночь там высидал, сделаем так. Лёшка тебе свечку даст, не жмотись, Лёшка, я у тебя видел. Зажжёшь в Доме свечку, можешь там книжку свою долбанную читать. До утра свечка почти вся обгорит, назад огарок притащишь. Ну как, идёт?

Серёга представил себе, как он зажжёт в Доме свечку, и по стенам запляшут косматые тени. Изнутри поднялось что-то серое, мутное. И кто его за язык тянул? Но не отступать же теперь...

– Ладно, идёт! На что спорить будем?

Санька опять задумался.

– Ну, не на жевачку же, – протянул он наконец. – Тут по-крупному надо, чтобы интересно было. А давай вот так. Ты выиграешь – я твоим рабом буду, я выиграю – ты моим. А то что-то больно борзым ты стал. Надо бы и повоспитывать.

Серая, мутная гадость зашевелилась, заклокотала в горле. Да уж, зря он затеял этот спор. Игра в «рабство» волной прокатилась по лагерю в прошлую смену, и Серёга хорошо

помнил, что это такое. Проиграешь – и Санька по-всякому издеваться начнёт, полднижки станет отбирать и всё такое. А ответить нельзя. И даже не потому, что весь отряд излупит. Его-то, может, и не излупят – побоятся. Но ведь пальцами тыкать начнут – не выдержал, значит, нарушил своё слово. Значит, трусил, значит, нет у него никакой воли. И никто с ним дружить не захочет, и ни в одну игру его не примут. Все только и будут, что дразниться, даже девчонки, даже малышня. Тогда уж лучше вообще в этот лагерь не ездить.

И получается, что бунтовать нельзя. Зубы стисни, а терпи. Чтобы всё по-честному было. Докажи, что у тебя характер есть, что ты настоящий мужчина.

Что ж, ничего другого не остаётся, как победить Саньку. Отсидеть ночь в Ведьмином Доме. Между прочим, тогда Санечке кранты. В рабстве-то его Серёга держать не станет, противно это, но и без того ясно, что сделается он тише воды, ниже травы... И наверное, больше сюда не приедет. Вот здорово!

– Ладно, я согласен, – твёрдо сказал Серёга и вылез из-под одеяла.

– Только чтобы уговор до конца смены действовал, – уточнил Санька.

Ни фиги себе, до конца смены! Он что, сдурел? Обычно пари «на рабство» заключались на день, на полдня – и не больше. Кто ж такое выдержит – до конца смены? До него ещё две недели... Впрочем, ладно, пусть будет по-Санькиному. А то начнёт вопить, что Серый сдрейфил, что кишка тонка. Да и вообще Серёга не собирался проигрывать.

– Идёт. До конца так до конца.

Тогда Санька выбрался из кровати и, прошлёпав по скрипучим доскам, протянул Серёге ладонь. Тот сжал её и незаметно поморщился. Лапа у Саньки оказалась липкая и мокрая. Противная лапа.

– Эй, пацаны, разбейте кто-нибудь, – велел Санька. – Например, ты, Маслёнок.

Лёшка Маслёнкин, вздохнув, выполз из-под одеяла, разрубил сцепленные руки и отправился досыпать. Кровать под ним скрипнула и жалобно простонала.

– Значит, пацаны, все свидетели. – добавил Санька. – Чтобы потом не было никакого вырубона. Ладно. Спать пора.

И он замолчал, отвернувшись к стене. Скоро засопели и другие, но к Серёге сон не шёл. Сперва жужжала муха, потом она отправилась куда-то по своим мушиным делам, но вместо неё ворвалась с улицы злобная стая комаров и начала концерт. Только глаза слипнутся – прозвенит сволочь над ухом, хлопнешь ладонью, уху больно, а комару хоть бы что. Позвенит вдали, и потом к другому уху присосётся.

Неужели всю ночь летать будут? Им что, спать необязательно? Спят же они когда-нибудь? Хотя они, наверное, днём спят, а ночью поднимаются и летят на кровавую охоту. И ладно бы кровь пили, так они же ещё и звенят к тому же, спать мешают. Хорошо бы изобрести такое средство, чтобы нажал кнопку – и все комары вокругдохнут. И почему учёные до сих пор этим не занялись? Дело ведь нужное.

3. Бегство

Длинная, колючая трава обдирала ноги. Солнце висело почти в зените и равнодушно жгло землю. Серёга знал, что оно не зайдёт ещё долго, очень долго. И придётся идти под небесным огнём, пока не свалишься от усталости. Если, конечно, раньше ему не встретится Город Золотого Оленя... Но на это мало надежды. Неизвестно ещё, есть ли этот город и в самом деле, не выдумка ли он, не сказка ли, придуманная кем-то в утешение.

Серёга шагал по левому краю огромной, наверное, даже бесконечной просеки. Там, слева, сплошной стеной тянулся сосновый бор. Чем-то он походил на Дальний Лес, но всё-таки был другим. Сосны казались куда толще и выше, не густели меж ними заросли малины, не шевелилось под ветром травяное море, а только белый лишайник полз длинными языками по опавшей хвое... С правой стороны просеки виднелось нескончаемое болото, в разрывах ряски блестела на солнце ржавая вода, и точно ружейные стволы, целились в небо толстые, мощные камыши.

Серёга уныло переставлял вязнувшие в рыжей траве ноги. Он понимал, что скоро конец. Неважно какой. Идти так дальше он не сможет. Он уже сейчас плетётся из последних сил. Пот струится по спине, течёт по лицу, разъедает глаза. Хочется пить, безумно хочется пить, но воды с собою нет, а из болота нельзя – там вода ядовитая. Хорошо хоть, жрать не хочется – спасибо жаре. Впрочем, всё равно ничем нельзя было запастись. Бежать пришлось ещё до рассвета, даже одежду взять не удалось – она, как и положено, оставалась до утренней побудки в каморке под замком. Как есть, в трусах и в майке, пришлось вылезать из разбитого окна в сортире, затем короткими перебежками, согнувшись по пояс, приближаться к крепостной стене, надеясь незаметно для стражников нырнуть в подкоп. К счастью, особой бдительности стражники не проявляли. Дело шло к рассвету, самый сон. Да и кого сторожить? Все знают, что из Замка обратной дороги нет...

Сколько же сейчас времени? Глупый вопрос – ведь часы тут идут по-своему, а солнце по-своему. Вполне возможно, сейчас без четверти два. Или ровно полдень. А может, и полночь – какая разница?

В Замке, наверное, уже обнаружили побег. Значит, снарядили погоню. Единственная надежда, что время там течёт медленнее, что ещё не настала проверка, и старший надзиратель не начал выкликать рабов, водя обгрызенным жёлтым ногтем по длинному, свернутому в свиток списку.

Хотя с чего бы это Замковому времени быть медленнее, чем Лесному? Может, всё как раз наоборот. И закованные в латы всадники скачут уже на взмыленных лошадях. Ну, может, и не в латах, не война всё-таки, но уж точно с арканами и мечами у пояса.

Что они сделают, если поймут? Зарубят на месте или, перекинув через круп лошади, повезут в Замок, на пытки? А потом казнят на Центральном дворе. И над столбом повесят чёрную доску с аккуратной надписью мелом: «Он искал Город Золотого Оленя».

Серёга один раз видел казнь. Видел, как смертника, мальчишку года на два его постарше, приковали к столбу длинной стальной цепью. Потом принесли дрова – несколько здоровенных берёзовых плах, а затем кучу мелкого хвороста. Плеснули из канистры бензином. Потом... В бараке Серёгу долго рвало, и целый месяц ему снились тёмные, глухие кошмары.

Вдалеке послышался невнятный звук. Серёга резко обернулся. Нет, ничего. Всё спокойно. Наверное, какая-то сухая ветка обломилась под собственной тяжестью. Или зверь какой-то пробежал. А ему со страху невесть что померещилось!

Он зашагал дальше. Через минуту звук повторился, и на этот раз Серёга замер как вкопанный. Приглядевшись, он заметил у горизонта несколько чёрных точек. Так и есть,

погоня! Он лёг ничком в горячую сухую траву, приложил ухо к земле и без особого труда услышал слабый пока что стук копыт. Что ж, этого следовало ждать. Игра окончена.

Серёга метнулся влево, ворвался в лес и, не разбирая дороги, бросился вперёд. Мозги отключились, его толкали вперёд лишь страх и отчаянное, звериное желание жить. Он не чувствовал ничего, кроме бешено колотящегося сердца. И только от резкой боли в груди пришёл в себя, остановился и открыл глаза.

Между деревьями в три ряда тянулась колючая проволока. Видно, она шла через весь лес. Майка на груди оказалась разодрана в клочья, Серёга стянул её и увидел на груди несколько сочившихся густой тёмной кровью царапин. Это всё ерунда, – мелькнула тоскливая мысль. – То ли ещё будет!

Теперь оставалось лишь бежать вдоль проволоки. Вперёд ли, назад – разницы нет. Всадники, конечно, отрежут ему дорогу с обеих сторон и начнут медленно сжимать клещи. Да стоит ли бежать вообще? Очень уж это становится похожим на игру кота с мышкой.

Серёга сел на землю около проволоки, закрыл глаза и стал ждать конца. Странное дело – захотелось спать. Серёге даже смешно от этого стало – тут, может, жизни осталось на несколько минут, а его в сон клонит.

Однако же глаза слипались, по всему телу плыли жаркие волны, и очень скоро он понял, что лежит в палате, в корпусе. Пищал горн на подъём, низкое, такое нестрашное солнце острыми лучами лезло в глаза, и Серёга понял, что утро, что пора скидывать одеяло и мчаться в туалет, пока там не образовалась очередь, а потом – на зарядку.

Хватит нежиться, а то ещё опоздаешь, и физрук Жора заставит потом ходить вокруг футбольного поля гусиным шагом. Это не так уж трудно, но обидно. А после ещё велит отжаться пятьдесят раз. Жора, он такой, не упустит случая свою власть показать... Вот уже пацаны, зевая, вылезают из кроватей, кто-то выбегает из палаты, а кто-то, ещё жмурясь, натягивает на глаза одеяло. Маслёнкин прыгает на одной ноге, натягивая на другую кед, а Санька ещё только открывает глаза.

...Санька, усмехаясь, смотрел ему в глаза. Серёга дёрнулся – и налетел спиной на проволоку. От этого он проснулся окончательно.

Справа и слева его окружали всадники. Их было человек семь или восемь, все здоровые мужики, в боевых нагрудниках, с мечами у пояса и короткими десантными автоматами на груди.

А прямо перед ним стоял Санька. Его белая, со звездой во лбу, кобыла вертела мордой чуть поодаль.

Санька был в зелёной куртке с кривой серебристой звездой на левом рукаве, в легких парусиновых брючках чуть ниже колен. В руке он сжимал тонкий хлыст.

– Ну что, Серый? Далеко намылился? – Санька сплюнул, пытаясь попасть в Серёгино колено, но не попал. – Что, в марафончики готовишься? – ещё не закончив фразы, он коротко размахнулся. Хлыст прозвенел в горячем, переливающимся от жара воздухе. Серёга дёрнулся – но поздно. Всё тело пронзила боль, резкая и злая, словно удар током. На плече вспыхнула узкая багровая полоса.

– А ты, похоже, совсем оборзел, Серый, – как ни в чём ни бывало, продолжал Санька. Он снова прицелился и плюнул. На сей раз плевков попал точно по адресу. – А я ведь предупреждал тебя. Что ж, придётся повоспитывать. А то ведь ещё неизвестно, что из тебя получилось бы... Что же с тобой делать? – Санька принял задумчивый вид. – Как же тебя спасти? Конечно, не помешает хорошая порка, но этим займёмся в Замке. Только вот вопрос – хватит ли тебе этого? Подозреваю, что всё-таки придётся нам встретиться в подвалах под Второй Башиной... Эй, ребяташки, – крикнул он всадникам. – Связать его и

прямым в Замок. И сразу же в подвал. Но только без меня не начинать. А я ещё погуляю тут, землянику пособираю...

– Идиот, – буркнул Серёга, – здесь же нет никакой земляники. Одна колючка!

– Ничего, разберётся, – весело ответил Санька. Но глаза у него были почему-то совсем не весёлые.

Всадник-старшина, с белой нашивкой на рукаве, подъехав ближе к Серёге, набросил на него аркан. Затем, спешившись, он смотал ему кисти рук и резким движением, словно мешок муки перекинул его через круп своего коня.

Серёга рванулся, но тут же получил такой страшный удар в висок, что мир мгновенно окутался чёрно-фиолетовой мглой, и мгла наплывала жаркими волнами, словно морской прилив. А потом он открыл глаза.

Низкое солнце висело в ослепительно-синем небе. Пищал, захлёбываясь, горн на подъём. Серёга рванулся, сел на кровати и помотал головой. Всё осталось. Ну, слава Богу. Значит, это был всего лишь сон. Значит, пора выскакивать из-под одеяла, влезать в кеды – и на зарядку. А то ещё заставит Жора гусиным шагом ходить... Вот уже и пацаны вылезают из постелей, Лёшка Маслёнкин, зевая, прыгает на одной ноге, напяливая на другую кед, а Санька ещё только открывает глаза. Он спокоен, ему спешить некуда. В его медицинской карте записан какой-то нефрит и ещё много чего, так что Жора отстал от него в первые же дни, проворчав себе под нос: «Сдохнешь ещё, неровен час, а мне отвечать за тебя, недоделанного...» Вот Санечка и пользуется.

4. Линейка

– Ну, как спалось? – поинтересовался Санька. – Настроение боевое? Не расхотелось ещё в Ведьмин Дом идти?

– Заткни хлебало, – ответил Серёга, прихлопнув на локте присосавшегося комара. – Договорились – значит договорились, и хватит об этом.

– Между прочим, Серый, ещё не поздно переиграть. Ты только перед всей палатой признай, что сдрейфил – и ладно. И никакого рабства.

– Ещё чего? Чтобы надо мной все ржали? А в рот тебе не плюнуть жёванной морковкой?

– Да никто ржать не будет, что ты! – Санька старательно изобразил возмущение. – Думаешь, только тебе одному страшно? Да ни один пацан в лагере, даже из первого отряда, в этот Дом бы не пошёл. Ты что, особенный?

– Всё, отзынь. Уговор дороже денег.

– Ну ладно. Тогда после завтрака туда идём. Кидаем книжку да свечку. И кстати, до ночи будешь под наблюдением.

– Это ещё с какой радости?

– А с такой... Вдруг ты в лесу где-нибудь свечку жечь начнёшь? Как тогда проверить, что до утра в Ведьмином Доме высидел?

– А ты и так не проверишь. – заметил Серёга. – Может, я ночью туда пойду, заберу книгу и свечку, и в лесу где-нибудь свечку зажгу? Что мне мешает книжку в лесу читать? Только ты не думай, я не то что некоторые... Раз договорились – значит всё по-честному. Мне жулить не к чему. Так что следи сколько влезет. Не лопни только. От напряжения...

– Ну, это ты зря... – задумчиво протянул Санька. Похоже, он лишь сейчас сообразил, что сожжённая свечка – слабая гарантия.

– А ты всё равно в лесу ночью не высидишь! – выпалил он вдруг радостно, словно озарение на него нашло. – Комары тебя зажрут. Или кто похуже...

Он бы ещё сказал что-нибудь, но тут их прервали. Сзади, словно рассерженная кобра, зашипела вожатая Света:

– Вы где стоите? На линейке или на базаре? Немедленно прекратили болтовню! Позор, весь лагерь на вас, обормотов, смотрит. Живо подровнялись!

...Медленно-медленно стягивались на линейку отряды. Солнце уже высоко поднялось над кромкой Дальнего Леса и начинало жарить на полную мощность. Серёга знал, что оно не зайдёт ещё долго, очень долго.

В горячем воздухе крутилась всякая дрянь – комары, мошки какие-то. То и дело раздавались хлопки.

– Ну-ка, народ, прекратили бурные аплодисменты, – подал голос вожатый Миша. Он стоял, прислонясь к шершавому стволу сосны. По его помятому лицу было видно, что выпасться опять *не состоялось*. Миша хмуро глядел на отряд. Пускай Светка их выравнивает, если ей делать нечего. А ему не хочется. Хочется только спать и курить. И комары к тому же, сволочи, совсем зажрали.

Дольше всех ждали шестой отряд. Тот, что считался самым разболтанным и безалаберным. *Безлагерным*, как произносила старшая вожатая Дуся. Кстати, она требовала, чтобы все называли её полным именем – Евдокия. Но окружающие почему-то звали её просто – Дуней или Дусей. Кое-кто предпочитал кошачью кличку Дуска. Но это вызывало такой взрыв ярости, что большинство старалось не рисковать.

– Шестой отряд! Вас ждёт весь лагерь! Малыши и то раньше вас построились! Сколько же это будет продолжаться?! Ещё одно замечание – и весь отряд переведу на октябрьский

режим! Вместе с вожатой! Елена, когда, в конце концов, твои дети будут стоять как положено?

Дуся отложила в сторону жёлтый рупор-матюгальник и вытерла губы розовым платочком. Потом, скорбно вздохнув, взяла своё орудие снова. Ритуал продолжался.

– Дружина! Равняйсь! Смирна-а! Отставить! Третий отряд! Дружина! Равняйсь! Смирна-а! Председателям советов отрядов приготовиться и сдать рапорта! Вольно! – и Дуся вновь отложила мегафон.

Председатели ленивой трусцой выбежали к трибуне и отпрапортовались. Дуся, вздохнув, начала докладывать режим дня и распределять трудовые задания.

– Раздача слонов... Пророк Самуил отвечает на вопросы... – негромко комментировал Миша. – Приготовься, Светик.

– Не надо нам слонов, Мишенька, – сейчас же отозвалась Света. – У нас их и так вон, сорок с половиной штук. Между прочим, ты опять галстук неправильно повязал.

– Да? Впрочем, это мне как-то, знаешь, до фени... А что касается слонов, сейчас увидишь. Дуска выдаст нам хар-рош-шего слона – драить территорию за воротами.

– Это почему же именно нам?

– А я с ней вчера светскую беседу имел. Посоветовал ей вернуться к основной специальности. Да будет тебе известно, она у нас контролёр ОТК. Так что мы очень мило пообщались.

– Ну, спасибо тебе, Мишенька! Просто огромное спасибо! Я-то, глупая, после завтрака хотела зачётное мероприятие готовить...

– Ну и как же ты собиралась его готовить?

– Будто сам не знаешь! Подготовлю материал к вопросам, раздам детям – пускай учат. Наглядное оформление с девочками рисуем...

– Господь с тобой, Светик! Окстись! Чего же тут готовить? Пожалей своё драгоценное время. Летом нужно загорать, а не готовить беседу про комсомол. Тем более, что тема благодатная. Лей водичку без всякой подготовки. Ты, между прочим, не первая в таких делах. Это я насчёт оформления. Сходи на склад, поройся. Там этой макулатуры до фига. Мы стоим на плечах исполинов – так, вроде бы, старик Ньютон когда-то выразился.

– Хватит, хватит! – одёрнула его Света. – Непедагогично же всё-таки! Дети же слышат.

– А пускай слышат. Они, знаешь, много чего уже слышали. Запомни, Светик, раз и навсегда – нет такой науки, педагогики. Это я тебе как заслуженный инвалид Минпроса говорю. Нет такой науки. А значит, и нет ничего непедагогичного.

– Прекрасно! Ты бы эту мысль перед Валентиной Николаевной развил.

– А что? И разовью. Как-нибудь.

– Вот именно что как-нибудь...

...Дуся объявила распорядок. Первая половина дня – подготовка к празднику Нептуна, работа в кружках и секциях. Третий отряд убирает территорию за лагерными воротами. Работу сдать лично ей, Дуске. Днём – кружки и секции, товарищеский матч по футболу между первым и вторым отрядами. Вечером – и в Дусином голосе появились мечтательные нотки, – вечером танцы.

...Потом все медленно, организованной толпой потащились на жрачку в столовую. Ну вот почему так получается – с утра аппетита никакого, зато вечером ты голодный как волк?

Конечно же, ничего хорошего в столовой не оказалось. На столах красовались тарелки с пшеничной кашей «Дружба». Каша эта противная, липкая, с изюмом и комками. К ней прилагался маленький кусочек колбасы – наверное, в утешение.

Стоит лишь взглянуть на эту «Дружбу», и желудок сводит. А главное, в дверях на мойку уже стоит седая, бледная, как привидение, врачиха Елена Дмитриевна и никого с недоеден-

ной кашей не пропускает. И не сбежишь – входные двери заперты на крючок, выход только через мойку. Елена Дмитриевна борется за *стопроцентную съедаемость*.

Недавно Серёга просёк, в чём тут дело. Подслушал, как Миша со Светой в вожатской трепались. Окно у них было раскрыто, а он как раз под окном сидел, выжигал линзой узор на фанерке – вот и подслушал нечаянно. Оказывается, прикатила в лагерь к некой детке мама, закармила свою детку от пуза тортами да конфетами, а потом на территорию пробралась и вместе с деткой в столовую вошла. И, ясное дело, ужаснулась. Трагедия! Детка суп не доела, котлетку лишь расковыряла... Плохо в лагере со съедаемостью!

В городе эта мама первым делом полетела в партком и устроила там *Варфоломеевскую ночь*. Серёга не знал, что это такое, но догадался, что, наверное, большая драка. Ну, потом комиссии всякие, начальнице выговор влепили, врачихе тоже. Вот теперь они и дрожат, борются...

Однако что-то же надо делать! Не сидеть же тут весь день... Ну, слава Богу, у Серёги свои методы имеются. Вот, например, жирный Венька Сторожев сожрал свою кашу и требует добавки. И как это в него столько влезает? Серёга тут же подвинул ему свою порцию – на, золотко, кушай, не обляпайся. А его тарелку, до блеска вылизанную, схватил и потащил на мойку. Уверенно прошёл мимо врачихи, небрежно поставил посуду на огромный оцинкованный стол и выбежал на воздух, под жаркое белое солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.